

В. Н. Топоров

Исследования
по этимологии
и семантике

Том 2 (книга 1)

Топоров В. Н.

Т 58

Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 544 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл).

ISBN 5-9551-0110-1

Настоящее исследование предполагает три тома общим объемом более 160 авторских листов. Исследуемый материал — лексика индоевропейских языков. В центре книги — этимология славянских, балтийских, индоиранских, итальянских языков; предлагаются также и этимологии лексики древнегреческого, фракийского, иллирийского, тохарского, хеттского языков. Объединяющей идеей исследования являются реконструкция и семантика, т. е. определение смысловой мотивации обозначения анализируемого слова. Реализация этих идей имеет непосредственное отношение к анализу весьма древнего пласта индоевропейского праязыка и соображениям и гипотезам, относящимся к ментальности носителей этих языков и процессам порождения смыслов и их эволюции в более поздние эпохи. Этот круг задач и соответствующих проблем органически связан и с другими нежеле лексика и семантика уровнями языка, прежде всего к генезису некоторых грамматических категорий.

Книга рассчитана на специалистов в области индоевропейских языков, типологии, культурной антропологии, мифологии и ритуала.

ББК 81.2

ISBN 5-9551-0110-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Индоевропейские языки (справка).....	7
Индоевропеистика (справка).....	20
Индоевропейский корень * <i>a₂en-</i> /* <i>a₂n-</i> в балтийском и славянском	37
Заметка об индоевропейском * <i>grog'-</i> (* <i>gorg'-</i>) : * <i>greg'-</i> в балтийском и славянском	55
Заметки по индоевропейской этимологии (1—3)	59
Из индоевропейской этимологии I (1—4).....	63
Из индоевропейской этимологии II (1—3)	79
Из индоевропейской этимологии III (1—3).....	103
Из индоевропейской этимологии IV (1).....	123
Из индоевропейской этимологии V (1)	154
Из индоевропейской этимологии VI (1—2)	187
Πύθων, <i>Áhi Budhnyà</i> , <i>Bādhñāk</i>	202
Еще раз об и.-е. * <i>budh-</i> (: * <i>bheudh-</i>).....	216
Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени: балт. <i>Puš(k)ait-</i> : др.-инд. <i>Pūṣán</i> , др.-греч. Πάυ	235
О «льняном» мифе в ареальной перспективе	264
Фрак. Σπάρταχος в индоевропейском контексте	283
Индоевропейский ритуальный термин <i>soǵh₁-etro-</i> (- <i>etlo-</i> , - <i>edhlo-</i>).....	297
Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания	310
«Слова и вещи»: об одной «технической» конструкции у индоевропейцев, ее функциях и названиях	318
Die Ursprünge der indoeuropäischen Poetik	331
Несколько соображений о становлении языково-поэтических начал	395

О драматическом начале и формах его выражения в архаических текстах	400
К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров)	405
Две филиации индоевропейского «прото-гимна» (Текст, сравнение, реконструкция и этимология)	439
Pindaro-Vedica: к проблеме реконструкции индоевропейского «прото-гимна» (лексический уровень)	472
О композиционной структуре «сопоставительных» гимнов в Ригведе и у Пиндара	491
О понятии «меры» в гимновой поэзии Пиндара и Ригvedы	509
«Новая» и «старая» песнь в ведийской традиции и у Пиндара	518
Список первых публикаций	537

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ КОРЕНЬ * $\text{\textcircled{2}}$ *EN*-/* $\text{\textcircled{2}}$ *N*- В БАЛТИЙСКОМ И СЛАВЯНСКОМ

Общая теория индоевропейского корня, выдвинутая Э. Бенвенистом в середине 30-х гг., в частности учение о двух состояниях корня, о правилах присоединения к корню расширителей и суффиксов, позволила связать целый ряд корней, рассматривавшихся ранее как вполне самостоятельные и независимые друг от друга. Благодаря этому открытию стало возможным изучение прежде считавшихся разрозненными корневыми морфем как пучков, внутри которых существует определенная формальная связь, сопровождаемая цепью семантических переходов. Такие пучки морфем можно рассматривать как элементарные микросистемы. Сопоставление отражений этих микросистем в отдельных индоевропейских языках дает возможность сделать более надежные выводы, чем те, которые характеризуют исследования, опирающиеся на сравнение изолированных фактов. Объяснение этому следует искать в тех преимуществах, которые связаны с изучением системных отношений вообще. Поскольку любая система характеризуется определенными видами зависимости между ее членами, есть основания для того, чтобы из рассмотрения одного члена системы делать некоторые заключения не только о самом этом члене, но и о других, связанных с ним. В зависимости от особенностей данной системы такие заключения об одном из неизвестных членов по известному могут иметь безусловный или вероятностный, положительный или негативный, полный или неполный характер. В наиболее удачных случаях оказывается возможным «пройти» всю систему в разных направлениях и тем самым получить весьма надежные критерии того, что реконструированная нами система действительно существовала. Но даже тогда, когда системные отношения выражены слабо, исследователь все-таки получает возможность извлекать информацию из большего количества фактов, чем при анализе разроз-

ненных явлений. В частности, при таком подходе восстанавливается, как правило, определенный набор значений, который с достаточной вероятностью можно сравнивать с подобными наборами значений в родственных морфемах других языков. В одних случаях такие наборы значений довольно легко преобразуются в цепи с более или менее строгой последовательностью членов. При подобных обстоятельствах набор значений можно интерпретировать во временном плане как последовательность этапов в развитии значений первоначального элемента. Более сложными оказываются те случаи, когда не удастся найти в данном наборе значений исходного звена, начав с которого можно бы было всю совокупность значений однозначно преобразовать в цепь. В этих условиях предвидятся два выхода: или указать возможные цепи значений из элементов, содержащихся в данном наборе (прогресс в этой области целиком зависит от успехов семантической типологии), или же ограничиться интерпретацией указанного набора значений в чисто пространственном плане (в широком смысле этого слова), не пытаясь установить хронологические вехи. Последний выход не так уж плох, как может показаться с первого взгляда, поскольку и в этом случае (применительно к этимологии), по-видимому, существуют приемы, позволяющие игнорировать проблему полноты набора значений, их относительной хронологии и позволяющие даже пренебречь вопросом об исходном значении, подобно тому как это было предложено К. Леви-Строссом в связи с анализом мифа¹. Что же касается преимуществ такого подхода, то о них едва ли стоит говорить: отдает себе исследователь-этимолог в этом отчет или не отдает, в подавляющем большинстве случаев (причем, как правило, самых сложных) он не знает полного набора значений, связанных с данной морфемой или ее алломорфами, не информирован о хронологическом отношении этих значений и о том, какое значение было первоначальным.

Теория строения индоевропейского корня, опирающаяся, в частности, на признание двух состояний каждого корня, естественно, значительно увеличивает число возможных этимологических решений, тем более что становится малосущественной разница в тех элементах сравниваемых корней, которые некогда принадлежали распространению, а различия в огласовке корня не могут иметь особого значения. Таким образом, получается на первый взгляд примерно такая картина, которая некогда заставила Вольтера определить этимологию как «une science où les voyelles ne sont rien et les consonnes fort peu de chose». Понятно, что в этих условиях особое значение приобретает вопрос о критериях надежности той или иной этимологии.

Нам кажется, что известный кризис в области славянской и индоевропейской этимологии связан прежде всего с тем, что до сих пор надлежащим образом не поставлен еще вопрос о критериях правильности (истинности) при

этимологических исследованиях; эти критерии до сих пор заменяются интуицией, которая чаще всего зависит в конечном счете от уровня знаний и от личного опыта того или иного этимолога. Наше глубокое убеждение заключается в том, что ни усердное изучение историко-культурных реалий, ни обращение к помощи субстрата или адстрата, ни принятие нерегулярных, чаще всего «экспрессивных», фонетических изменений, ни своеобразный этимологический «дадаизм», привлекающий некоторых почтенных ученых, ни порознь, ни в сочетании друг с другом не могут вывести этимологические исследования из тупика. В лучшем случае перечисленные направления в области этимологии следует считать паллиативами, эффективными лишь постольку, поскольку данная область остается недостаточно исследованной.

Нужно думать, что критерии истинности следует искать в структурном (как это ни парадоксально) подходе к этимологическому анализу. Степень системности фактов, используемых при анализе, и воссозданной на их основе картины, говоря в общем, определяет надежность предложенного этимологического решения: количество привлеченных для реконструкции фактов оказывается прямо пропорциональным надежности выводов.

Естественно, что эти общие вопросы теории этимологических исследований не будут здесь развиты и конкретизированы (это будет сделано в особой статье). Единственная цель, которая преследуется в этой статье, заключается в попытке прокомментировать некоторые принципы такого анализа в области этимологии на одном примере, пока еще не получившем должного решения.

Бенвенисту, который много сделал для выяснения общих вопросов семантической реконструкции при этимологическом анализе², принадлежит заслуга окончательного установления наличия в общиндоевропейском языке корня **a₂en-*/**a₂n-*, скрытого в др.-инд. *naś-* ‘исчезать’, ‘губить’, греч. *νέκταρ* ‘нектар’, ‘напиток бессмертия’, лат. *necare* ‘убивать’ и т. д., с одной стороны, и в хетт. *henkan* ‘смерть’, др.-ирл. *ēc*, кимр. *angeu* ‘смерть’, с другой³. В истории изучения последующей судьбы этого корня было два существенных упущения, тесно связанных друг с другом. Во-первых, не было предпринято сколько-нибудь серьезных попыток восстановить первоначальное значение корня **a₂en-*/**a₂n-*; молчаливо исходили из результатов «голосования» приведенных выше и некоторых других форм, и значение большинства слов этого корня — «*umkommen*» (*Walde-Pokorny. Vgl. Wb.*, II, 1927, 326), «*leibliche Todesvernichtung*» (*Pokorny. Idg. Wb.*, 762) и т. д. — переносили безоговорочно на общиндоевропейский корень **a₂en-*/**a₂n-*. Во-вторых, из-за невыясненности значения корня **a₂en-*/**a₂n-* и из-за игнорирования ряда фактов, формально и семантически очень близких к указанным, но не принятых во внимание в силу того, что исследователи исходили из корня **nek-* : **nek'*- (вместо **a₂en-*/**a₂n-*), оставались неиспользованными весьма ценные факты

балтийских и славянских языков. Несомненно, что их привлечение увеличило бы возможности семантической реконструкции и расширило бы круг используемых форм, а это, в свою очередь, помогло бы выявить дополнительные факты и в тех языках, данные которых относительно анализируемого сейчас корня, казалось, были уже исчерпаны.

Хотя бы в некоторой степени, мы попытаемся заполнить отмеченный пробел. Однако начать придется не с балтийских или славянских фактов, а с данных тех языков, которые уже использовались в связи с этимологией дериватов от корня **ə₂en-/*ə₂n-*. Разумеется, что возможен и иной путь, но мы выбираем именно этот, поскольку хотим показать, что явное из балто-славянских фактов *implicite* содержится и в фактах, уже неоднократно использовавшихся в этимологических исследованиях, но до сих пор оставшихся незамеченными. Второе соображение, заставившее нас начинать не с балто-славянского материала, заключается в том, что, по мере возможности, мы будем стараться использовать приемы внутренней реконструкции, которые в данном случае проще приложимы к материалу, скажем, древнеиндийского языка, чем к балто-славянскому.

В древнеиндийском языке зафиксированы две основы, рассматриваемые обычно как исконно самостоятельные и омонимичные. Речь идет о 1. *naś-* с общим значением «исчезать, гибнуть» и о 2. *naś-* со значением «достигать». Основания для различения этих двух корней — семантические и отчасти морфологические: 1. *naś-* в санскрите обычно относится к глаголам четвертого класса (*náśyati*), в то время как 2. *naś-* спрягается по образцу глаголов первого класса (*náśati*). Однако тщательный анализ контекстов (особенно древнейших), в которых встречаются глаголы от этих двух корней, заставляет предположить, что специфические семантические и морфологические черты, присущие глаголам, образованным от этих корней, являются результатом относительно позднего (хотя и доисторического) распределения в употреблении этих глаголов. Не случайно, что разные ученые по-разному интерпретируют формы с корнем *naś-*. Так, Грассман в своем словаре к «Ригведе» указывает, что в гимнах наряду с обычной основой *náśya-* от 1. *naś-* трижды встречается основа *náśa-* (VI, 28, 3: IX, 79, 1, дважды), формально неотличимая от соответствующей основы 2. *naś-*. Гельднер же объясняет эти места совсем иначе, относя *vi náśan* и *naśanta* в IX, 79, 1 к 2. *naś-*, что, впрочем, не является достаточно очевидным. Ср. X, 133, 3: *vi sú... árātayo 'aryo naśanta no dhiyaḥ* 'да настигнут же наши молитвы злобных врагов!' (ср., однако, перевод Грассмана, II, 407).

Поскольку в противопоставлении *náśa-* : *náśya-* первый член является беспризнаковым, наше внимание, естественно, прежде всего будет обращено на *náśya-*. Как известно, одна из центральных и наиболее устойчивых корре-

ляций внутри презентных основ ведийского глагола предусматривает соотношение, максимально полный вид которого выражается следующим образом — носовой суффикс, переходное (или каузативное) значение, активные окончания, с одной стороны, и суффикс *-ya-*, непереходное (или пассивное) значение, медиальные окончания (факультативная деталь), с другой⁴. Подобное соотношение засвидетельствовано в ведийском у целого ряда основ (*jināti — jīyate*, *mināti — mīyate*, *riṇāti — rīyate* и т. д.), среди которых есть и такие, которые представляют семантическую параллель к 1. *naś-*, ср. RV, X, 27, 13, *kṣiṇāti* ‘уничтожает’ при RV, II, 9, 5 *kṣiyate* ‘исчезает’.

Любопытно, что 1. *naś-*, *náśya-* характеризуется суффиксом *-ya-*, непереходным значением (если исключить каузативные образования и немногочисленные исключения позднего происхождения), а иногда (впрочем, редко) и медиальными окончаниями. Исходя из указанной выше корреляции следовало бы ожидать, что основе *náśya-* должна была противопоставляться основа, образованная от того же корня, снабженная носовым суффиксом и обладающая переходным (или каузативным) значением. Мы полагаем, что такую основу следует видеть в др.-инд. *aśnóti* ‘достигает’, образованном на основе второго состояния корня * $\text{ə}_2\text{n-}$ и восходящем к * ṛk'-nó-ti при * ṛék'-jo-ti , отраженном в *náśyati*. Древность носового презенса в глаголе *aśnóti*, несомненно, связанном с *náśati* от 2. *naś-*, подтверждается многочисленными фактами других индоевропейских языков, ср. авест. *aśnaoiti*, греч. ἐνερχεῖν, лат. *nanciscī*, хетт. *ninikzi* и т. д. Можно думать, что и в аористических формах типа *náñsi* RV, VI, 51, 12 от 2. *naś-* отражается след основы с носовым элементом и переходным значением, некогда противопоставленной основе *náśya-*. Если сказанное выше верно, то уже одни формальные соображения приведут к необходимости установить связь между 1. *naś-* и 2. *naś-* (сюда же *aś-*, *aśnóti*). В свете этих рассуждений оказывается, что семантические различия между двумя корнями *naś-* не могут, видимо, считаться особенно существенными, поскольку эти различия в значении являются производными от чисто грамматических, которые в свою очередь определялись несколько различными условиями употребления в контекстах. В частности, обращает на себя внимание, что в «Ригведе» 1. *naś-* чаще всего употребляется с превербом *vi*, который как раз и мог способствовать формированию значения «исчезать, пропадать, гибнуть». Напротив, 2. *naś-* лишь очень редко имеет при себе преверб *vi* (трижды), тогда как превербы *abhi*, *ā*; *ud*, *pra*, *sam*, обозначающие движение вперед к чему-либо, приближение, достижение и т. д., особенно употребительны при формах, образованных от 2. *naś-*. Естественно, что при формах, образованных от 2. *naś-*, исключительно часто встречается винительный падеж (в отличие от 1. *naś-*, нередко сочетающегося с отложительным падежом).

Таким образом, существуют серьезные основания думать, что некогда 1. *naś-* и 2. *naś-* были позиционными вариантами единой корневой морфемы, находившимися, видимо, в дополнительном распределении между собой, следы которого можно вскрыть в ведийских текстах. Вероятно, значение единой морфемы *naś-* концентрировалось в пределах выражения одного из видов движения; это значение, нужно думать, рано расслоилось и в зависимости от некоторых дополнительных условий стало выражать разные виды движения, определяемые отношением субъекта предложения к конечной точке движения. Отсюда могли развиться два основных круга значений: движение от субъекта, удаление, исчезновение (гибель) и движение к какой-то цели впереди, достижение чего-либо, встреча с чем-либо. Аналогичная тенденция в развитии слов, в той или иной степени определяющих положение субъекта и связанных с направлением отсчета, зафиксирована в большом количестве примеров в самых различных языках (ср. хотя бы слав. *отъ* 'от' при балт. *at-* 'при, к'), и поэтому здесь нет необходимости в дополнительных иллюстрациях.

Если исходить из того, что некогда *naś-* выражал идею движения, и с этой точки зрения проверить значения 1. *naś-* и 2. *naś-*, то можно довольно легко убедиться в правильности исходного значения этой морфемы. С одной стороны, *verloren gehen, abhanden kommen, verschwinden, entwischen, davon laufen, fliehen; vergehen, zu Grunde gehen, umkommen* и т. д., с другой, *erreichen, erlangen, antreffen, finden bei, herbeikommen* (с превербом *accha*) и т. д. См. *Böhtlingk. Skr. Wb., III Teil. 1882, 186—187*. Эти примеры, представляющие собой соответственно переводы 1. *naś-* и 2. *naś-*, показательны в двух отношениях: во-первых, они довольно четко фиксируют идею движения, во-вторых, они могут рассматриваться как удачные образцы семантического развития глаголов, выражающих движение, в тех же направлениях, что и в древнеиндийском.

Указанное раздвоение значений, отмеченное у морфемы *naś-*, или близкое по характеру представлено также в целом ряде других древнеиндийских слов, прямо или косвенно связанных с тем же корнем **ə₂en-/*ə₂n-*; ср. *nī* 'вниз', 'назад', *nitarām* 'книзу', 'внизу', *nivát* 'глубина', 'низина', 'долина', *nīpá-* 'глубокий', *nyāñc-* 'направленный вниз', 'склоненный', *nīcā* 'вниз', 'внизу', но *nāka-* 'небо', 'небосвод' и т. д.

Прежде чем закончить рассмотрение древнеиндийского материала, хотелось бы привлечь внимание к очень рано развившемуся значению корня *naś-* 'прогонять', 'губить' (ср. *nāṣṭrā-* 'разрушение', 'опустошение') в связи с подобным же развитием значения во многих индоевропейских языках⁵. Важно, однако, отметить, что значение 'прогонять', 'губить' выкристаллизовывалось на протяжении развития древнеиндийского языка, чему отчасти способствовало исчезновение значений, более тесно связанных с идеей движения. Даль-

нейшая эволюция значения средне- и новоиндийских продолжателей корня *naś-* убеждает в постепенном развитии у него значения 'прогонять', 'гибнуть', а затем и 'умирать', ср. сингалезск. *nahinavā*, *nasinavā* 'умирать'.

Наблюдения над древнеиндийским материалом дают основания для того, чтобы и факты других индоевропейских языков были рассмотрены в свете указанных наблюдений. У нас нет здесь возможности проанализировать весь относящийся сюда материал, да едва ли это и необходимо. Поэтому ограничимся лишь некоторыми замечаниями и примерами.

В свете древнеиндийских фактов становится очевидной и понятной связь авест. *naštō* 'ушедший', 'уклонившийся' при *nasye'ti* 'исчезает' с *nasu-* 'труп', с одной стороны, и с *nas-* 'достигать', 'получать' (ср. *a'wi-nāsante* 'они получили') и *aśnao'ti* с тем же значением, с другой.

Латинский язык в отношении изменения значения корня, соответствующего др.-инд. *naś-*, чрезвычайно далек от первоначального состояния, если только последнее напоминало картину, восстановленную на основании ведийских фактов. Лат. *necō*, *nex*, *nox*, *noxia*, *poseō*, *nequālia*, *dēnicālēs*, *interneciēs*, *perniciēs*, *ēnescō* и т. д. всегда связаны со значением 'убивать', 'лишать жизни', 'вредить', 'уничтожить', 'портить', 'наносить ущерб' и т. п. Характерно, что и соответствующие слова других романских языков или обладают тем же кругом значений, или же еще более специализируют их, ср. франц. *noyer* 'топить', 'заливать', продолжающее позднелатинское *necāre* с тем же значением. Тем не менее и латинский язык, видимо, все-таки сохраняет след старого значения в корне, в конечном счете восходящем к **ə₂en-*/**ə₂n-*. Может быть, именно в этой связи следовало бы рассматривать лат. *pernix* 'скорый', 'быстрый', 'проворный'⁶, поскольку традиционное сопоставление с *perna* (см. *Walde-Hofmann. Lat. Etym. Wb. Lief. 15, 1949, 290; Ernout-Meillet. Dict. étym., II, 1951, 884*) кажется менее вероятным. С другой стороны, соображения, аналогичные тем, которые заставили нас объединить 1. *naś-* и 2. *naś-* в древнеиндийском, позволяют с лат. *nec-/noc-* связать в конечном счете *nanciscor* 'случайно получать, находить, наталкиваться'.

Германские и кельтские данные оказываются ценными в том отношении, что они содержат слова, несомненно связанные с рассматриваемым сейчас корнем, которые, однако, в ряде случаев обладают значениями, исчезнувшими или не получившими развития в части других древних индоевропейских языков. В этой связи интересна судьба прагерм. **anxtō*, отраженного в англосакс. *ōht*, др.-в.-нем. *āhta* (совр. нем. *Acht*), с семантическим развитием 'преследование (вражеское)', 'принуждение', 'насилие'. Возможно, что таким же было исходное значение в ряде кельтских слов того же корня, обозначающих нужду, необходимость, ср. корн., брет. *anken*, кимр. *angen* (ранее *anghen*), др.-ирл. *écen* (ср. *Pokorny. Idg. Wb., 45*). Здесь же, конечно, следует упомя-

нуть и греч. ἀνάγκη и другие слова того же корня, особенно полно развившие значения необходимости, неизбежности, предопределенности, но наряду с этим сохранившие возможность обозначать идею принуждения, применения насилия, страдания, мучения. Пристального внимания заслуживает не вполне ясное англосакс. *(ge)nāegan* 'приближаться', 'обращаться', 'брать', относимое некоторыми к **(e)nek*'- (см. *Walde-Pokorny. Vgl. Wb.*, I, 1928, 129; II, 321), а также серия германских форм, включающая гот. *nēhv* 'вблизи', *nēhjan* 'приближаться', англосакс. *nēah*, др.-в.-нем. *nāh*, совр. нем. *nach* и т. д. с идеей постижения чего-либо, с одной стороны, и формы типа гот. *ganah* 'достаточно', 'хватает', ср. инфинитив **ganaúhan* и т. п.

Значение хеттских данных во многом зависит от того, как интерпретировать глагол *hink-/henk-* в примерах, аналогичных отмеченному в тексте о том, как Мурсилис лишился дара речи: *^DUTU^{si}-ma EGIR-an hi-in-kat-ta*. Мурс. 17. Если бы значение 'склоняться, сгибаться' не оказалось вторичным, как готовы предположить Гётце и Педерсен⁷, то стала бы, видимо, возможной связь с *henkan* 'смерть' (ср. гибель — сгибаться), тем более что хеттское слово обозначает именно насильственную смерть. Окончательное решение вопроса зависит, вероятно, от того, удастся ли доказать, что *hink-* (*henk-*) в значении 'überreichen, überlassen, zuteilen' и т. д., *hink-* в значении 'sich neigen, verneigen, Reverenz erweisen' в конечном счете восходят к одному источнику, как 1. *naš-* и 2. *naš-*, или нет (см. *J. Friedrich. Heth. Wb.*, 69—70). Возможно, что на базе второй основы **ə₂n-* построен глагол *nik-* : *ninink-* 'подниматься', сопоставляемый Бенвенистом с лит. *nikti, ninkù*⁸.

В тохарском языке наряду с *nāk-* 'уничтожать', 'губить' в активном залоге и 'исчезать' в медиальном (ср. *vi-naš-* в соответствующих местах санскритских буддийских текстов) существует глагол *nāk-* 'порицать' (ср. санскр. эквиваленты *nind-*, *vigarh-*, *duṣay-*), связанный формально с *nāk-* по образцу др.-инд. *nāśáyati* : *násati*. С *nāk-* связано существительное В *nāki* и А *nākām*, обозначающее порицание, ошибку, проступок, вред и во многом напоминающее лат. *noxā, noxia*.

Арм. *hasanem* 'прихожу', 'подхожу' и *anausr* 'редкий', если принять объяснение этого слова Педерсеном (KZ, 39, 1906, 411), возвращают нас к кругу значений, связанных с движением и закрепленных за **nek'-/*enk'-*.

Следы подобного рода можно видеть и в греч. *ποδηγεής* 'спускающийся (доходящий) до ног', *διηγεής*, *διηγεῶς* и т. д., наряду с которыми существует корень *ueh-*, обозначающий смерть.

Таким образом, каждый язык обладает своим индивидуальным набором значений, прикрепленным к корневой морфеме **nek'-* (**nek-*) или ее модификациям. Относительная ценность разных наборов определяется количеством элементов, составляющих семантическую цепь, и степенью расхождения ме-

жду ними, в совокупности позволяющими в той или иной мере реконструировать более раннее состояние. Несколько различные конфигурации значений, представленные в **nek'*-, удобно представить как ряд пересекающихся множеств, общая часть которых может быть объяснена или как отражение исходного состояния, общего для всех наборов значений, или как результат одинакового или параллельного развития. Знание индивидуальных отклонений в каждом наборе помогает точнее определить внутренние возможности данного комплекса, направление его развития, а также позволяет уточнить и характерные особенности общей части.

Анализируя каждый из подобных наборов, мы получаем возможность восстанавливать (хотя бы в самых общих чертах) некоторые семантические микронаборы, которые, если угодно, отражают отдельные типологически возможные схемы развития значений. Эти схемы могут быть проверены и при изучении нового, до сих пор остававшегося неиспользованным, материала.

В этой связи особое внимание должно быть обращено на балтийские факты, привлечение которых в данном случае оправдано наличием отдельных балтийских примеров, относящихся как раз к общей части пересекающихся множеств. Если же эти факты до сих пор игнорировались, то только потому, что часть, обязанная специфически балтийскому развитию или просто утраченная другими индоевропейскими языками, оказалась слишком большой и отвлекала внимание ученых от общих элементов, связывающих соответствующие балтийские факты с фактами других диалектов. Устаревшие представления о строении индоевропейского корня в сочетании с неумением объяснить некоторые особенности индоевропейского чередования гласных, ставшие более ясными лишь в свете относительно недавних исследований, также способствовали тому, что балтийские факты оказывались в изоляции.

Речь здесь идет прежде всего о лит. *nókti* 'зреть', 'созревать' и лтш. *nākt* 'идти', 'приходить', взаимная связь которых очевидна, несмотря на весьма существенные различия в значениях, по крайней мере, если о них судить по данным словарей, отражающих в первую очередь, а часто исключительно, особенности литературных языков. Э. Френкель и Я. Эндзелин почти одновременно обрисовали круг значений лит. *nókti* и лтш. *nākt*⁹. Выяснилось, что такие случаи употребления лтш. *nākt*, как *bērnš jau nāca liels* или *aug lielāka, nāk gudrāka*. BW, 11296, где *nākt* приобретает значение 'стать', 'становиться', или такие как *uogas jau labi ienākušās, baudīt ienākušus augļus*, где *ienākt, ienākties* значит 'созревать', 'поспевать', показывают, каким образом могли возникнуть в литовском глаголе *nókti* присущие ему теперь значения¹⁰. Примеры, в которых лтш. *ienākt, danākt* приобретают значение 'догонять', устанавливают еще одну важную связь с литовским глаголом, ср. *danókti, panókti, pranókti, prinókti* и т. д., имеющие помимо некоторых других значение

‘догнать, перегнать’. Показательно также, что лит. *nóktis* значит ‘бегать наперегонки’.

Наличие в лтш. *nākti* и соответствующих приставочных глаголах значений, совпадающих или близких к ‘созреть’, ‘поспеть’, с одной стороны, и остатки старого употребления форм с корнем *nok-* в литовском (с оттенком движения), с другой, создают реальные предпосылки для внутренней реконструкции картины развития значений в балтийских словах с корнем **nāk-* и для сравнения ее с тем, что ранее говорилось о соответствующих фактах в других индоевропейских языках.

Присущее балтийскому **nāk-* значение движения связывает его с ранее отмеченными примерами из других диалектов¹¹; то же можно сказать о значении ‘достигать’, ‘добиваться’, ‘получать’, широко представленном в ряде латышских слов того же корня. Однако существуют и некоторые другие весьма специализированные случаи употребления балтийского **nāk-*, связывающие его с и.-е. **nek-*. Прежде всего мы имеем в виду те случаи, когда глагол *nókti* обозначает ‘голодать’¹², ср. также *išnókti* ‘проголодаться’ наряду с ‘созреть’, ‘налиться’, *nunókti* ‘одряхлеть’, ‘состариться’ и одновременно ‘созреть’, ‘поспеть’. В этой связи нельзя, конечно, не вспомнить лат. *fame enectus* ‘заморенный голодом’ и общее значение и.-е. **nek-*, выразившего понятие смерти (обычно мучительной) в результате голода, старения, одряхления и т. п. процессов в отличие от корня **mř-*, обозначающего мгновенный акт смерти¹³. Такое понимание **nek-* согласуется и с семантикой греч. *véχταρ*, обозначающего напиток, спасающий от уничтожения и смерти от голода, старости и т. д. Ср. Г, 345—348: *οἱ δὲ δὴ ἄλλοι οὔχονται μετὰ δεῖπνον, ὁ δ' ἄχμηρος καὶ ἀπαστος, ἀλλ' ἴθι οἱ νέχταρ τε καὶ ἀμβροσίην ἐρατεινὴν στάξον ἐνὶ στήθεσσι, ἵνα μὴ μιν λιμὸς, ἴχνηται*¹⁴.

Если говорить о славянских соответствиях балтийскому корню **nāk-*, то следовало бы, видимо, в первую очередь иметь в виду элемент *nak-*, встречающийся в целом ряде сербохорватских слов: ср. *накјуче* ‘три дня тому назад’, *наксутра* ‘через два дня на третий’, возможно, *након* ‘после’ (*након две године* ‘через два года’, ср. словенск. *nakar* ‘после чего’). Можно думать, что *nak-* в *накјуче* и *наксутра* сохраняет след старого значения: *накјуче* ‘то, что предшествует вчерашнему дню, позавчера’, *наксутра* ‘то, что следует за завтрашним днем, послезавтра’. В высшей степени любопытно, что латышский язык сохраняет подобное же употребление корня *nāk-*, ср. *nākamgad* ‘в следующем (будущем) году’, *nākamsvētdien* ‘в следующее воскресенье’ (ср. *nākams* ‘следующий, будущий, грядущий’). Разница по сравнению с сербохорватскими фактами заключается лишь в том, что *nāk-* в латышском специализировался для обозначения плана будущего, тогда как в сербохорватском *nak-* употребителен и в тех случаях, когда обозначается прошлое. Таким об-

разом, балтийские (прежде всего, латышские) факты в сочетании с некоторыми другими (ср. нем. *nahen* — *nach* при с.-хорв. *наксуптра*, *накјуче*, с одной стороны, и *након*, *наком*, с другой) заставляют нас предполагать существование корня **nāk-* со значением движения и в славянских языках, по крайней мере в части диалектов праславянского языка. Можно думать, что с ранних пор этот корень стал употребляться и как наречно-предложный элемент.

В этой связи становится очень вероятным предположение о связи *нак-* в перечисленных выше словах с этим же элементом в серии наречий, представленных почти во всех славянских языках: ст.-слав. *възнакъ*, болг. *възнак*, словен. *vznāk*, *znāk*, чеш. *naznak* (в старых текстах есть и *vznak*), словац. *horeznak(om)* и др., н.-луж. и в.-луж. *znak*, кашуб. *naznak*, польск. *wznak*, *nawznak*, укр. *навзнак*, *навзнаки*, русск. *навзнак*, *взначь*, *навзначь*. Это сопоставление привлекло внимание ряда этимологов, в том числе и М. Фасмера, который, однако, трактует слова типа (*навъз*)*накъ* как *-на-къ* (по аналогии с **pro-къ*, **per-къ* и т. д.), правда, с оговоркой (REW, II, 1955, 191). Думается, что неправ и О. Н. Трубачев, считающий возможным членить это слово *па-znak* и видеть в нем отражение и.-е. **g'(e)nō-* 'спина', 'позвоночник', в конечном счете восходящего к **g'en-* 'рождаться'¹⁵.

Анализ указанных славянских слов показывает, что формы с приставочным *па-* являются относительно поздними: их возникновение связано, как правило, с ослаблением первоначального значения слова и, главное, его приставки *въз-*, вызвавшим необходимость в частичной компенсации за счет *па-*. Здесь уместно напомнить о словацких словах *horeznač(ky)*, *doluznač(ky)*, в которых прибавление *hore-* и *dolu-* неопровержимо свидетельствует о забвении старого значения слова и о переразложении слова по новым образцам. Исходя из первоначального *въз-накъ*, легко определяется семантическая роль приставки *въз-*, тогда как значение *въ* при делении *въ-znakъ* едва ли определимо. Если *нак-* в слове *въз-накъ* действительно некогда было связано с корнем **nāk-*, обозначающим движение, то, видимо, заслуживает внимания сравнение с латышским глаголом *uznākt* 'подниматься', 'восходить'.

Наконец, изложенное здесь объяснение слова *въз-накъ* позволяет сравнить его со словами *навзник*, *навзничь*, *ниц*, несомненно связанными с глагольным корнем *nik-* (*niknōti*, *въ-*, *въз-*, *po-*, *pri-*, *pro-niknōti* и т. д.), также обозначающим один из видов движения, ср. лит. *nikti*, *ninkù* (также *įnikti*, *apnikti* и др.), прусск. *neikaui* 'бродить', 'ходить', лтш. *nāiks*, хетт. *nik-* : *ninink-* и т. п. В случае иных объяснений указанная связь становится гораздо более проблематичной.

Нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что корень **nejk-* : **nīk-* : **nīk-*, как и упомянутые выше **nek-*', **nāk-*, помимо идеи движения связан также с выражением идеи исчезновения, нисхождения, опускания, захирения,

гибели [ср. лит. *nỹkti, nỹksta*, лтш. *nĩkt*, слав. *niknqti* 'склоняться', 'наклоняться', 'опускаться', 'исчезать' (ср. польск. *niknać, zniknać*), *nićь* (лтш. *nĩca*) и т. д.; ср. также лит. *niẽkinti, naikinti* при слав. *ničiti* 'уничтожать' и т. п.] и, следовательно, во многом аналогичен корню, описанному в первой половине этой статьи.

Возвращаясь несколько назад, следует подчеркнуть, что примеры сохранения значения движения и некоторых других, связанных с ним значений, вероятно, не ограничиваются только теми случаями, которые приведены выше. Возможно, что сюда же следует отнести слово *nagľь*, этимология которого до сих пор вызывает споры¹⁶. Во всяком случае, традиционное сопоставление с др.-инд. *áñjas*, гот. *anaks* и т. д. не может считаться вполне убедительным, поскольку оно не объясняет начала славянского слова. Принимая во внимание распространенное в индоевропейском чередование показателей *-k* : *-g*¹⁷, можно бы было думать о том, что *nagľь* является отглагольным прилагательным, образованным от корня со значением движения наподобие лтш. *naiks* или лат. *pernix* (характерно, что и в латышском языке есть вариант со звонким элементом *naĩgs*). Отчасти сходным образом можно бы было, видимо, объяснить и прусск. *angstainai* 'утром', лит. *anksti, aňkstinti, ankstainiais* (форма, отмеченная в говоре Кведарны)¹⁸, которые, однако, образованы на основе первого состояния корня **ə₂en-*, а не второго **ə₂n-*, как в славянском *nagľь*¹⁹. Некоторые другие слова в балтийских и славянских языках, относительно которых есть основания предполагать, что они связаны с указанным корнем, будут указаны ниже.

Одним из результатов предшествовавших рассуждений было установление того факта, что каждая из морфем **nek'*²⁰, **nāk-*, **nejk-/nĩk-* и т. п. обладает определенным кругом значений, существенная часть которых является общей для всех этих морфем. Наличие этой общей части, состоящей более чем из одного элемента, и то обстоятельство, что семантические элементы, входящие в нее, отражают связь, которая вовсе не является универсальной и единственно возможной, делает весьма достоверным предположение, что перечисленные выше морфемы распределяют между собой некий общий комплекс значений, а сами связаны друг с другом отношениями генетического родства. Асимметричность, проявляющаяся в том, что одни и те же пучки значений в разных языках распределяются между несколько различными морфемами (**nek'*, **nāk-*, **nejk-/nĩk-*), и, наоборот, тот факт, что одна и та же морфема в разных языках обладает частично несовпадающим набором значений, помогает связать как весь этот набор значений, так и всю совокупность названных морфем и, в известной степени, рассматривать их как единый формально-семантический комплекс. Наличие асимметричных отношений указанного типа, как нам кажется, существенно расширяет сферу этимоло-

логического исследования, позволяя вскрыть некоторые системные элементы и предлагая новые пути при решении этимологических проблем.

До сих пор этимологический анализ строится примерно по такому образцу (применительно к рассмотренным выше словам). Если морфема **nəK-* (*ə* — символ вокалического центра, а *K* — обозначение класса *k*-фонем: *k*, *k'*, *k^h*) связана со значениями *S₁, S₂, S₃, ..., S_n*, то поиск родственных морфем или слов предполагал нахождение элементов, формально связанных с **nəK-*, после чего осуществлялась проверка на значение: если эти найденные элементы обладали хотя бы отчасти сходными значениями или просто значениями, легко выводимыми из значений, присущих **nəK-*, то считалось, что эти элементы генетически связаны с **nəK-*; в случае, если никакой семантической связи между **nəK-* и формально близкими элементами установить было нельзя, не могло быть речи о связи этих двух морфем: они признавались омонимичными.

Нужно думать, что аналогичные операции осуществимы и в ином плане, опирающемся на семантические (а не формальные) закономерности. Так, например, если значения *S₁, S₂, S₃, ..., S_n* выражаются морфемой **nəK-*, а примерно сходный или отчасти совпадающий круг значений обладает набором *S₃, S₄, ..., S_{n+1}*, то можно проверить, не закреплены ли эти значения за морфемой, родственной **nəK-*.

Конкретно в нашем случае речь пойдет о веренице значений, во многом совпадающих или близких к тем значениям, которые были вскрыты у слов, в конечном счете восходящих к **ə₂en-*/**ə₂n-* с разными расширителями корня, причем, однако, этот набор значений закреплен за корнем **nāϥ-* : **nəϥ-* : **nū-*, обозначающим прежде всего 'мучительное умирание, смерть, гибель'.

Любопытно, что в этом значении названный корень, как правило, лучше всего представлен в тех языках, где **nek'*-, **nāk-* не успели специализироваться для обозначения идеи смерти. Поэтому понятно, что, с одной стороны, в италийском, кельтском, хеттском или древнеиндийском, где **nek'*-, **ank-*, **ə₂enk-* выражают понятие смерти, нет слов с корнем **nāϥ-* в том же значении, и, с другой стороны, в балтийском, славянском или германском, в которых, наоборот, корень **ə₂enk-*/**ə₂nek-* не развил значений, связанных с понятием смерти, именно корень **nāϥ-* взял на себя функцию выражения этой идеи. Таким образом, есть основание говорить о двух изоглоссах не столько лексического, сколько словообразовательного характера, достаточно четко членящих область распространения индоевропейских диалектов²¹. Нужно только соображения внешнего характера дополнить замечанием, относящимся к месту данного корня в семантической системе каждого отдельного языка. Речь идет о том, входит ли данное слово в какие-либо противопоставления (ср. слав. *navь* : *mьrtvь*, ср. *sъ-mьrtь*; лат. *nex* : *mors* и *nex* : *caedes*²² и т. д.),

позволяющие более точно и тонко определять первоначальное значение, или же это слово обнимает все случаи обозначения идеи смерти недифференцированно (как, видимо, в лтш. *nāve*).

Все, что можно извлечь из балтийских и славянских данных о значении **nā-*, как будто согласуется с тем, что ранее было сказано о значении *nek'* - в противоположность значению корня **mr-*. В этой связи показательны лит. *nōvė, novis, -ies* 'мучение', *nōvyti* 'мучить', 'измождать', 'изводить' и лишь в определенных контекстах 'умерщвлять'²³: *išnōvyti*, сочетающее полный набор значений от 'измучить' до 'уничтожить', 'истребить'; лтш. *nāvītiēs* 'трудиться', 'стараться', 'мучиться', 'утомляться', 'напрягаться' при *nāve* 'смерть', *nāvēt* 'умерщвлять', 'убивать'. Славянские факты, наряду с *navь* 'мертвец', представленные такими словами, как ст.-слав. и чеш. *naviti* 'устать', 'утомляться' (ср. чеш. *únava*, русск. *онава, онавиться*), слав. *nyti* 'слабеть', 'становиться вялым', 'уставать'; 'болеть', 'молить'; 'томиться', 'тосковать', 'сожалеть' (ср. *унывать*) и т. д., так же как и балтийские, делают вероятным предположение, что некогда *nāv-* обозначало медленную смерть в результате старости, утомления, истощения, мучения и т. п. причин в отличие от **śь-mrty*, которая была внезапной и не была связана с заметными мучениями или страданиями²⁴.

В свою очередь, слав. *nyti, naviti* в части своих значений совпадают с лит. *nūsti, panūsti*, которые, однако, построены на основе корня, сопровождаемого элементом *-d*, как, видимо, и слав. *nuditi* (наряду с ним есть и *ṇditi*). Другой расширитель корня *-t* представлен в ряде германских слов, семантически близких к слав. *nuditi*, ср. гот. *naups*, англосакс. *nōd*, др.-в.-нем. *nōt*, др.-исл. *naud̄, nauđr*, имеющие значение 'нужда, необходимость, принуждение и т. д.'; такого же типа прусское слово *nautin* (Acc. Sg.). Естественно, что в связи со значением гот. *naups* и слав. *nuditi* уместно вспомнить о семантически близких др.-ирл. *écen* 'необходимость' и уже упоминавшемся греч. *ἀνάγκη*, с одной стороны, и о ряде балтийских и славянских слов, избравших несколько иной путь развития, с другой: ср. лит. *éngti* 'принуждать', 'притеснять', 'угнетать', *angùs* 'вялый', 'слабый' (ср., однако, *vangùs*) и другие относящиеся сюда слова с изменчивым вокализмом²⁵ (лтш. *ígt, ikstēt* обладают несколько отличающимися значениями), а также ст.-слав. *jěza* 'ἀσθένεια, νόσος' и т. п., болг. диал. *ензá* 'род болезни' (значение соответствующих слов в других славянских языках иное)²⁶.

Первоначальное противопоставление **nav-* : **mr-* в том плане, как это было описано выше, вероятно, подтверждается и другими показательными сопоставлениями. Так, слав. *naviti*, обладающее среди других значений и такими как 'становиться вялым', 'слабеть', 'уставать', 'болеть' (ср. лит. *angùs*), нашло бы параллель не только в брет. *darnaouet* 'усталый', 'утомленный', но

и в тох. А *pwāt* 'больной', 'измученный болезнью' (ср. также тох. В *parēt*, *lawēt* 'человек', т. е. смертный). Характерным следует считать и тот факт, что в конечном счете к корню * $\text{nā}_\text{ц-}$: * $\text{nā}_\text{ц-}$: * nū- восходят кельтские слова, выражающие понятие голода, ср. ирл. *nóine*, *núna*, гал. *newun*, брет. *naon*, корн. *lowp*; в других языках, как об этом уже говорилось ранее, то же понятие было отражено в словах, восходящих к * nek' -, * nāk- : ср. лат. *fame enectus*, лит. *nókti* и др.

Другая часть значений *nuti* ('сожалеть, тосковать, ныть') позволяет установить бесспорную связь с рядом кельтских слов того же корня, выражающих идею сожаления. Ср. *cyn ei far arnaf neuaf na'm llas*. Мув. Arch. 144, 2 'avant que sa colère (ne fût) sur moi, je regrette qu'on ne m'ait pas tué'; *Er pan llas llyw ked, neud neued nes, neuaf nas gwelaf val ym gweles*. Там же, 160, 1 'Depuis qu'a été tué le maître des présents, voici venir à nous le regret de ce qui nous manque, je suis aux regrets de ne pas le voir comme il m'a vu' и др.²⁷ Как и в предыдущем случае, та же идея может, видимо, выражаться словами, построенными на основе первого состояния корня * $\text{ə}_2\text{en-k-}$: праслав. * ękati , jękati , польск. *jęk*, *jękliwy*, *jęczeć*, *jąkać*, словен. *ječati*, чеш. *ječeti*, русск. *ячати* и т. п. Правда, обычно эти слова зафиксированы уже в стадии превращения в звукоподражательные, чем, в частности, можно объяснить известное безразличие к качеству гласного в начале слова. Тем не менее славянские слова, приведенные здесь, еще сохраняют следы первоначального значения, чего нельзя сказать, например, о некоторых балтийских примерах.

На предыдущих страницах нами было показано на материале балтийских языков (преимущественно), что в целом ряде случаев одни и те же значения или весьма близкие друг к другу могут выражаться как словами, восходящими к корню * nek' - : * nāk- , так и словами, возводимыми к * $\text{nā}_\text{ц-}$: * $\text{nā}_\text{ц-}$: * nū- . Данные других языков могли бы доставить новые примеры (ср., например, авест. *nasu-* 'труп' и слав. *navь*, лтш. *nāve*, гот. *naus* и т. д.; тох. В *naut* 'исчезать', 'губить', *nusk* 'притеснять', 'угнетать', *nauṣaññe*, *nauṣak*, *nauṣ* 'более ранний', 'раньше', 'прежде' и др.), на которых, однако, мы не будем здесь останавливаться. Точно так же здесь оставляется открытым вопрос о наличии у корня * $\text{na}_\text{ц-}$ и его вариантов значения движения (как у корня * nek' - : * nāk-), поскольку имеющиеся в распоряжении исследователя факты или слишком спорадичны (ср. некоторые значения у греч. $\nu\epsilon\acute{\omega}$), или, если брать их шире, могли бы увести в область слишком неопределенных догадок (др.-инд. *anvāñc-* 'следующий за', *ānu* и т. п.).

Кажется вероятным, что факт пересечения круга значений, закрепленных за двумя рассмотренными разновидностями корней, взятых как определенные члены семантических корреляций в каждом языке, а также те наметки, которые можно сделать относительно эволюции значений в этих словах, по-

зволяют сделать заключение о близости указанных двух комплексов и о существовавшей некогда между ними связи. В настоящее время доказать эту связь несравненно проще, чем раньше; несмотря на ряд до сих пор окончательно не выясненных деталей, представляется, видимо, возможным: во-первых, объяснить сосуществование слов, восходящих к **nek'*- : **nāk*- и к **nāṁ*-, в смысле теории А. Мартине о различных в зависимости от положения в слове рефлексах лабиовелярного ларингального²⁸ (ср. *nex*, *nókti*, но: *nāve*, *navь* и т. д.); и, во-вторых, объединить в ранее единой форме слова, возводимые к первому и второму состояниям корня, и видеть в наличии элементов *-k-* (*-k'*-) и *-ṅ-* не что иное, как чередование равных расширителей корня (если гипотеза Мартине окажется несостоятельной).

Но каково бы ни было окончательное решение вопроса, здесь нам хотелось бы подчеркнуть, что именно анализ положения продолжателей и.-е. **nek'*- : **nāk*- и **nāṁ*- : **nāṅ*- : **nī*- внутри отдельных языков привел нас к мысли о возможной связи между этими корнями.

Примечания

¹ См. *C. Lévi-Strauss. The Structural Study of Myth // Journal of American Folklore*, vol. 68, 1955, p. 434 и сл.

² См. особенно *É. Benveniste. Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word*, vol. X, 1954, p. 251—264.

³ Ср. *É. Benveniste. Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935.* Русский перевод: Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, с. 185—186. Еще раньше Ю. Курилович указал на др.-греч. *ἀν-ἄρχη* 'судьба', 'рок', 'необходимость' и т. д.

⁴ См. *J. Kuryłowicz. Le genre verbal en indo-iranien // Rocznik Orientalistyczny*, t. VI, 1929; ср. также *Т. Я. Елизаренкова. Значение основ презенса в Ригведе // Индологический сб. М., 1959.*

⁵ Что семантическое развитие 'идти' > 'гнать', 'губить' относится к числу вполне закономерных, ясно из большого количества примеров. Здесь упомянем лишь два: **ej-/i-* 'идти', др.-инд. *i-nó-ti*, *i-nv-ati* 'гнать' (ср., кстати, вед. *tanā-nas-* 'прогоняющий гнев'); прусск. *gubas*. Энхир. 51, 25 'gegangen', *pergubuns wirst*. 1-й Катех. 5, 33 'kommen wird' и т. д., но ст.-слав. *гоубити*, *гыбати* и др. (характерно, что и в славянских языках корень **goub-/güb-* сохраняет следы прежнего значения, ср. болг. *губам*, с.-хорв. *губати*, чеш. *gibati*, польск. *gibać*, в.-луж. *hibać*, н.-луж. *gibaś* и т. д., выражающие идею движения).

⁶ См. *O. Lagercrantz // KZ*, Bd. 37, 1901, S. 186—189; *A. C. Juret // RE Lat.*, vol. 16, 1938, p. 64. По аналогии с *perācer* 'очень острый', *peramplus* 'очень большой',

perbonus 'очень хороший' и т. д. *pernīx* могло некогда означать 'очень подвижный'. Ср. также лтш. *nāiks, nāigs* 'быстрый', 'ловкий'.

⁷ A. Götze, H. Pedersen. *Muršilis Sprachlähmung, ein hethitischer Text*. København, 1934, S. 51: 'Die Sonne aber erwies ihm ihre Reverenz'.

⁸ См. *É. Benveniste. Etudes hittites et indo-européennes* // BSL, t. 50, 1954, p. 40—41. Следует заметить, что значение соответствующего корня в литовском существенно изменяется в зависимости от глагольных приставок, присоединяемых к нему. Это обстоятельство следует иметь в виду при дальнейших рассуждениях о корне *nik-*, выражающем общую идею движения.

⁹ См. E. Fraenkel. *Zu litauischen Mundarten* // KZ, Bd. 61, 1933/1934, S. 261—264. J. Endzelin. *Le. nākt*: li. *nōkti*: got. *nēhv*, und der Wechsel von *ē* und *ā* // KZ, Bd. 62, 1934, S. 23—28. См. также K. Müllenbachs. *Latviešu valodas vārdnīca, II. Rīgā*, 1923—1927, p. 698—700, ср. еще II, p. 47—48.

¹⁰ Ср. также лтш. *daiet* (претерит *dagāja*) 'дойти', 'достичь', 'созреть', чешск. *spěti* 'спешить', *dospěti* 'созреть', 'поспеть' и т. п. См. E. Fraenkel // KZ, Bd. 61, S. 262, и особенно W. Havers. *Handbuch der erklärenden Syntax*. Heidelberg, 1931, S. 127, 245.

¹¹ Вовсе не обязательно думать только о связи с гот. *nēhv*, как считал Эндзелин, видевший в балтийском **nāk-* первоначальное значение 'приближаться': не менее вероятной является связь с рядом слов, отмеченных выше и восходящих к **nek-*. Что касается трудностей, возникающих при сопоставлении этих слов по причине редких особенностей аблаута, то они, видимо, менее существенны, чем думали раньше, поскольку, строго говоря, они не относятся к корню в индоевропейскую эпоху. Ср. между прочим E. Fraenkel. *Die baltischen Sprachen*. Heidelberg, 1950, S. 78.

¹² См. J. Šlapelis. *Lenkiškas-lietuvių žodynas, 'nōkti'* и письменное сообщение К. Бути, упомянутое Я. Эндзелином, см. KZ, Bd. 62, S. 23.

¹³ См. P. Thieme. *Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte*. Berlin, 1952, S. 12—14.

¹⁴ Ср. также интересный отрывок из «Катха-упанишад» (I, I, 12), приведенный П. Тиме: *ubhe tīrtvāsānāyāpipāse... modate svargaloke* 'и голод и жажду, обоих, преодолев ... он радуется в небесном мире'.

¹⁵ См. О. Н. Трубачев. К этимологии некоторых древнейших славянских терминов родства // *Вопр. языкозн.*, 1957, № 2, с. 93.

¹⁶ Ср. недавнее объяснение слова *nagľь* из **na-lǝg-lǝ* от глагола *ležati*, данное П. Тедеско. См. *Language*, vol. 27, 1951, p. 15.

¹⁷ См. Э. Бенвенист. *Индоевропейское именное словообразование*, с. 52—53.

¹⁸ E. Fraenkel. *LEW*, Lief. 1, S. 11.

¹⁹ Заслуживает упоминания и алб. *nes, nes-ër* 'утро', восходящее к варианту с *-k*'.

²⁰ В балтийских и славянских языках этот корень представлен словами с сильно специализированным значением: слав. *nesti*, лит. *nėšti*, лтш. *nest*. Однако и их нужно иметь в виду, учитывая некоторые факты других индоевропейских языков.

²¹ Исключений в общем очень немного, и они к тому же могут быть объяснены. Ср. греч. *ἀνάγκη* (из **ank-*) при *νεμεύεσθαι*: *τεθνηκέσθαι* у Гесихия (из **neč-*, ср. *νεύω*); при этом, однако, *ἀνάγκη* не связано с обозначением идеи смерти. Более сложен случай, представленный в тохарском, где наряду с АВ *nāk-* 'уничтожать', 'губить' есть и А *nut-*, В *naut-*, в каузативе значащий 'уничтожать'.

²² См. у Феста: *neci datus proprie dicitur qui sine vulnere imperfectus est, ut veneno ant fame*. 158, 17; *occisum a necato distingui quidam volunt, quod alterum a caedendo atque ictu fieri volunt, alterum sine ictu*. 190, 5. Однако можно думать, что подобное разграничение уже не ощущалось; по крайней мере, тексты его не подтверждают. См. *Ernout-Meillet. Dict. étym.*, 1951, II, p. 779.

²³ См. возражение К. Буги против приписывания глаголу *nōvuti* исключительно значения 'умерщвлять'. См. *Archivum Philologicum*, I, 1930, с. 57.

²⁴ См. *V. Machek. Etym. slovn.*, 1957, s. 319—320. Характерна приставка *съ-* в слове *съ-търъть*, сравниваемая с др.-инд. *su* 'хорошо', ср. *V. Machek // ZfsI Ph*, VII, S. 337 и сл.; *Я. Эндзелин // LPosn.*, III, 112. О различении разных видов смерти у индоевропейцев см. *O. Schrader. Reallexikon der idg. Altertumskunde*. Strassburg, 1901, S. 554 и сл.

²⁵ См. *E. Fraenkel. LEW*, Lief. 1, S. 10.

²⁶ Если сюда же относится *яга* ('баба яга — костяная нога'), то поучительно сравнение с *навья косточка* и соответствующим литовским выражением *novės kaulas*.

²⁷ См. *J. Loth. Notes étymologiques et lexicographiques // Revue Celtique*, vol. 45, 1928, p. 199—201 (Gallois moyen *neuaf, neued, afneued* — irlandais *noine, nuna*; gallois *newyn*, breton *naon*, cornique *nown*).

²⁸ См. *A. Martinet. Le couple senex — senatus et le suffixe -k-* // *BSL*, t. 51, fasc. 1, 1955, p. 42—56; *ego же. Some Cases of -k-/w- Alternation in Indo-European // Word*, vol. 12, 1956, p. 1—6.

ЗАМЕТКА ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ *GROG'- (*GORG'-) : *GREG'- В БАЛТИЙСКОМ И СЛАВЯНСКОМ

При исследовании древнейших языковых отношений между балтийской и славянской ветвями наибольший методологический интерес представляют, пожалуй, не те случаи, когда сравниваемые единицы полностью совпадают или полностью различаются, поскольку при этом исследователь лишен возможности проследить динамику развития, а случаи частичного сходства или расхождения между сравниваемыми балтийскими и славянскими фактами (и, тем более, внутри балтийских и внутри славянских языков). Только в последних условиях осуществима попытка реконструкции промежуточных этапов развития; более того, доказательная сила точных балто-славянских соответствий возрастает, если тождественные факты не даны сразу, а восстанавливаются путем анализа исторически разошедшихся форм.

Здесь хотелось бы сделать несколько замечаний о любопытном примере из балто-славянской лексики, когда различия в семантической сфере казались столь значительными, что даже очевидное формальное сходство практически ускользало от внимания исследователей. Речь идет о сопоставлении лит. *gražus* 'красивый' и слав. *grozънь*, обычно игнорируемом этимологами; даже когда вопрос о сравнении этих слов возникает, чаще всего он остается вопросом¹. Отсутствие этого сопоставления в подавляющем большинстве этимологических пособий (хотя бы в числе спорных случаев) свидетельствует о том, что указанная параллель не может считаться признанной. И тем не менее, она бесспорна.

Формальное сходство не ограничивается полным тождеством корневой части (лит. *graž-us*, слав. *groz-ънь* восходят к **grog'*-, ср. иную ступень корня в др.-греч. γοργός 'страшный, ужасный' и др.-ирл. *garg* 'дикий, грубый'). Оно

проявляется и в некоторых одинаковых тенденциях словообразования, в частности, в расширении корня с помощью элемента *-n-*; ср. слав. *groz-ьнь*, известное практически во всех славянских языках и правдоподобно относимое к праславянскому периоду (**groz-ĭn-*), при лит. *gražinys*, *gražinė*, *gražinėlė*, *gražintelis*, *gražinis* и под.² (из **graž-ĭn-*); правда, в литовском представлены и иные примеры расширения этого корня с помощью *-n-* (ср. *gražnus*, *gražnas*, *gražna*, *grazna*³; *Gražyna* и др.), то же относится и к латышскому (ср. *grazns*, *graznums*, *graznuotiēs*⁴ и более привычные формы с иным вокализмом: *grēzns*, *grēznums*, *grēznuoties* и др.). Впрочем, тенденция к расширению этого корня с помощью *-n-* не ограничивается балтийским и славянским (ср. др.-греч. Γορῦών, Γορῦόνα или др.-ирл. *grain* из **gragnis*). В связи со словообразованием заслуживают быть отмеченными и такие параллели, как лит. *gražybė*, *gražybinis* (лтш. *greznība*), польск. *groźba*, чеш. и слвц. *hrozba*, *hrozebný*, в.-луж. *hróžba*, *hróžbniwu* (ср. латышскую форму!), н.-луж. *grozbaŕny* (характерно, что расширение с помощью *-b-* отмечается, как правило, в западнославянских языках), не говоря о более частных⁵.

Естественно, что отказ признать правильность сопоставления лит. *gražus* 'красивый' и слав. *grozьнь*, значение которого — при всех колебаниях по славянским языкам — обычно сводится к 'грозный, страшный, отвратительный', объясняется, главным образом, семантическими мотивами. Тем не менее, по нашему убеждению, многие из трудностей такого рода оказываются мнимыми. Во-первых, если говорить о соображениях самого общего характера, понятия 'красивый', 'страшный', как и многие другие относительные понятия, весьма подвижны и нередко превращаются в свою противоположность⁶. Можно было бы привести немало примеров такого рода, но здесь, вероятно, достаточно ограничиться одним хорошо известным; речь идет о пушкинском:

...Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза, —

где автор строит образ на указанной выше способности к изменению значений в словах, принадлежащих к этой сфере (любопытно, что при переводе на другие славянские языки слово *ужасен* могло бы быть передано с помощью слов, восходящих к **grozьнь*; а *прекрасен* переводилось бы на словенский — как *grozen*, на литовский — как *gražus*, разумеется, все это верно, если говорить о смысле, не учитывая поэтических нюансов). Во-вторых, во многих славянских языках **grozьнь*, помимо значений, так или иначе связанных с *groza*, *groziti*, обладает набором значений, лежащих в той же сфере, что и значения соответствующих балтийских слов, но с прямо противоположной

направленностью: ср. болг. *grozen* 'некрасивый, уродливый, безобразный'⁷, *сугрозен* 'довольно некрасивый', н.-луж. *groznu* 'безобразный, уродливый, отвратительный' и т. п. В-третьих, в словенском языке в числе других значений слова *grozen* отмечают 'schön; lep, krasen' (Плетершник, Глонар и др.), ср. *grozno dekle*. Таким образом, в этом примере засвидетельствовано поразительное сходство (лит. *gražus* 'красивый' : словен. *grozen* 'красивый'), значение которого не снижается уникальностью этого случая в славянских языках. Не менее важно и другое — наличие в словен. *grozen* таких разных значений, как 'красивый' и 'жуткий, ужасный', ослабляющее (хотя бы в общих чертах) мнимую непреодолимость семантических расхождений между лит. *gražus* и соответствующими славянскими словами. В-четвертых, семантическое сходство указанных балтийских и славянских слов не ограничивается только тем случаем, когда словен. *grozen* выступает в значении 'красивый'; можно указать еще одну общую семантическую черту: ср. лит. *gražus* в значении 'большой, многий, обильный' (ср. у Мажвидаса: *žmonelių gražus pulks giedojó* и др.⁸) при словен. *grozen* в значении 'большой, многий, чрезмерный', *groza* в значении 'большое количество, очень много', словц. *hrozne* 'очень, огромно', чеш. *hrozně* 'очень' и др. С другой стороны, и балтийские факты, семантически более однородные, чем славянские, позволяют соединить обычно рассматриваемые порознь значения 'угрожать' и 'быть красивым', ср. лтш. *gražītiēs* 'угрожать' и 'важничать, гордиться (красотой)⁹'. Если такое совмещение возможно в балтийском, то у нас исчезает основание отрицать связь лит. *gražus* со слав. *grozъnъ*, ссылаясь на несовместимость значений.

Хотя сопоставление слав. *grozъnъ* с указанными балтийскими словами вполне оправданно, остаются не вполне ясными детали семантического развития. Впрочем, некоторые соображения говорят в пользу того, что славянские факты отражают более древнюю ступень эволюции, чем балтийские, и что первоначальное значение и.-е. *grog' было 'страшный, угрожающий'. В качестве аргументов можно назвать: большее семантическое разнообразие славянских слов с корнем *grog-*, более тесную их связь с глаголом *grožiti* 'угрожать', наличие греческих и кельтских примеров, согласующихся в семантическом отношении со славянскими, и т. п. Неясности касаются не основной идеи этой статьи, а некоторых частных вопросов, связанных с объяснением возникновения отдельных фактов; так, не до конца ясно, отражает ли словен. *grozen* 'красивый' преимущественные старые связи с балтийской областью или же должно объясняться самостоятельным развитием в том же направлении, что и соответствующие балтийские слова; точно такая же проблема могла бы быть поставлена в связи с удивительным сходством лит. *gražiaakis* и др.-греч. γορυῶπις (ср. Γορυῶλα), восходящих к одному прототипу, но различающихся значением (литовское слово обозначает 'обладающий красивы-